

- Это поистине замечательно, - сказал Орвицка. - А что, если у меня есть работа вне церкви, например, я сейчас служу в Королевской полиции, и я хочу присоединиться к вашей общине, неужели мне придётся бросить работу?

- Конечно, нет, - ответил священник. - Мы лишь предоставляем работу тем прихожанам, кто оказался в трудных жизненных обстоятельствах. Если у вас уже есть работа, вы можете продолжать трудиться.

- Только нужно платить взносы?

- Да, церковные взносы.

- Помимо службы в полиции, у меня есть несколько предприятий. Если мне понадобятся сотрудники, я должен буду нанимать только членов вашей общины?

- Если вы сможете нанимать членов нашей общины, это, конечно, будет замечательно, но если и не будете, это не противоречит учению.

- О, значит, если я найму члена общины, никаких выгод я не получу? Например, платить ему более низкую зарплату? - Орвицка слегка прищурился.

- Не знаю, где вы наслушались таких разговоров, - покачал головой священник. - В церкви ко всем братьям и сёстрам относятся одинаково. Чтобы братья и сёстры-рабочие трудились за низкую плату на братьев и сестёр-владельцев фабрик? Нет, так не должно быть.

Орвицка внимательно наблюдал за выражением лиц этих "братьев и сестёр". Никто не выказал ни удивления, ни гнева на слова священника, все были пугающе спокойны. Он вспомнил слова Данны Боент: они с мужем в то время должны были знать, что, работая на церковных предприятиях, они получают зарплату ниже, чем в аналогичных отраслях. Но они не ушли с церковных предприятий из-за ребёнка...

Родители ради лучшего будущего своих детей, даже зная, что церковь их обдирает, всё равно с радостью отрезали от себя плоть и преподносили её своему богу. Пока они не увидят истинное лицо церкви, они останутся благочестивыми верующими. Даже если перебить всех этих священников, Церковь Славы возродится, как трава под весенним ветром.

- Заберите своё пожертвование! - Священник окончательно помрачнел. Его лицо исказилось от ярости. - Я не чувствую от вас почтения к богу, лишь глубокую злобу!

Он указал на дверь, приказывая Орвицке убираться.

Орвицка решительно оттолкнул священника и прошёл внутрь:

- Я пришёл сюда не для того, чтобы вступить в общину. Я здесь ради группы несчастных детей. Есть девочка по имени Тиффани, хотя, возможно, её зовут иначе. У неё редкие фиолетовые глаза. Она рассталась с родителями примерно в пять-шесть лет, сейчас ей двенадцать. Она не

помнит имени матери, только то, что её звали Боман или Бот, а её отец был очень высоким...

- Что вы делаете?! - Священник вцепился в Орвицку, но тот резким движением стряхнул его руку.

- Неужели вы не хотите помочь нескольким несчастным детям найти своих родителей, святой отец? - Орвицка перевёл взгляд на одного человека в толпе, которого заметил ранее. Это была пожилая, измождённая женщина средних лет с особенными, сине-фиолетовыми глазами. Рядом с ней стоял высокий пожилой джентльмен с ледяными голубыми глазами. Сейчас оба смотрели на Орвицку с нескрываемым недоверием, а окружающие уставились на эту пару. - Я просто пришёл сюда разместить объявление о поиске людей.

Фиалковые глаза Тиффани были необычайно выразительными. У её родителей или родственников, даже если цвет глаз не совпадал, вполне мог быть схожий оттенок радужки.

- Сегодня воскресенье!

- Разве это не прекрасно? - парировал Орвицка. - Позволить этим детям воссоединиться с родителями с божьей помощью, разве это не прославит ещё больше славу божью?

- Я... - его испуг, гнев и неразумное поведение были уже достаточны. Далиан молниеносно схватил священника, притянул к себе и зажал ему рот ладонью.

Некоторые верующие вскочили на ноги, но та пара тоже встала и сурово посмотрела на них. Те, кто хотел было вмешаться, тут же заколебались.

- Том, мальчик, семь лет, каштановые волосы, зелёные глаза, круглое лицо, круглый нос, - продолжал Орвицка ровным голосом. - На левом предплечье у него родимое пятно в форме орла. Он не помнит имени мамы, но помнит, что его папу звали Мартин. Тото, мальчик, девять лет, чёрные волосы, голубые глаза, красивый нос, за ухом красная родинка...

- А! - раздался ещё один отчаянный женский крик. - Тото!

Для этих родителей это воскресенье стало днём катастрофы, но для Орвицки и тех детей удача явно улыбнулась.

Орвицка не останавливался, методично описывая приметы детей одного за другим, включая тех, кого он забрал с собой, и тех, кто отказался уйти.

- Мы спасли их от группы людей, называвших себя торговцами людьми. Вскоре после этого ко

мне обратился священник Кристо Мондевар и сказал, что их церковь устраивает банкет и нуждается в этих детях для обслуживания гостей.

- Богохульство! Ты богохульствуешь!

- Нет!

- Т-тогда мой ребёнок?

- Невозможно!

- Господин полицейский, прошу, прошу вас, отведите меня к этим детям!

Церковь Славы исказила любовь родителей к детям, превратив её в цепи, сковывающие их. Чем больше родители любили своих детей, тем усерднее они жертвовали всю свою жизнь этой организации, потому что Церковь Славы стала для них и верой, и воплощением их детей.

А что касается детей, отправленных в церковь? Что может сделать ребёнок, которому всего пять лет? Их просто продавали, их ценности и моральные принципы безжалостно искажались. Даже если им посчастливилось вырасти, они, скорее всего, становились пособниками и приспешниками этой чудовищной церкви.

"Как ужасно... Как люди могли создать такую кошмарную организацию? Узнай о них демоны, они бы в ужасе и трепете разбежались как можно дальше, верно?" - подумал Орвицка с содроганием.

- Он лжец! - взревел священник, которого отпустил Далиан. - Вы верите этому полицейскому, выскочившему неизвестно откуда, а не церкви?!

Орвицка подал знак, и Далиан разжал хватку. Несмотря на яростный крик священника, многие из возбуждённой толпы действительно "успокоились" и посмотрели на Орвицку с сомнением - в конце концов, они отчаянно не хотели, чтобы то, о чём говорил Орвицка, оказалось правдой. Они прекрасно понимали, какая участь ждёт их детей, попавших в руки торговцев людьми.

По сравнению с этим, они охотнее цеплялись за мысль: "Мой ребёнок живёт счастливой и достойной жизнью под сенью церковного благословения".

- Дети временно размещены в приюте. Все желающие могут сейчас же пойти со мной, - громко объявил Орвицка. - Я лишь хочу, чтобы вы удостоверились. Если это действительно ваши дети, пожалуйста, заберите их сразу. Как видите, нас всего трое. Обманывая вас, группу людей, у

которых ничего нет, что мы можем получить?

Все взгляды обратились к священнику. Орвицка был прав: даже если он лжец, чего он добивается?

- Ты посланник другой церкви! Ты пришёл опорочить нашу Церковь Славы! - не унимался священник.

- Но если вы уверены, что их дети живут в достатке и благополучии, то разве их уход со мной, чтобы убедиться, что это не их дети, не укрепит ещё больше авторитет Церкви Славы? - В отличие от гнева и растерянности священника, Орвицка излучал спокойствие и уверенность.

Некоторые верующие невольно кивнули - они не хотели верить, но ведь можно же пойти и посмотреть? Убедиться в судьбе этих несчастных детей, что в этом плохого?

- Тебе не следовало приходить! Если ты не в силах содержать этих детей, достаточно было просто передать их церкви! Зачем было приходить сюда? - Священник перешёл на визг.

- Вы... используете слово "передать" по отношению к детям? - Орвицка пожал плечами. - Думаю, больше говорить не о чем. Дамы, господа, кто-нибудь пойдёт со мной?

Орвицка направился к выходу и вернулся к своей карете.

- Я не могу позволить вам уйти с этим лжецом, обманутым дьяволом! - надрывался священник.
- Те, кто покинут церковь, будут считаться богохульниками! Изгнаны из церкви!

Подозрения в глазах людей усилились, но и их шаги замедлились. Они слишком много отдали этой церкви. А что, если Орвицка действительно лжец? Все их жертвы станут напрасными.

- Господин полицейский, умоляю вас... умоляю, возьмите меня с собой... - Женщина с сине-фиолетовыми глазами, стиснув зубы, вместе с мужем подошла к карете.

- Садитесь, мадам, - дверь кареты была открыта, и Орвицка пригласил женщину жестом.

- Остановите этих лжецов! Этих еретиков! - Священник вскинул руку. Здоровяки с молотами, получившие сообщение, уже спешили сюда, их лица были полны злобы.

- Если ты невиновен! Почему боишься, что вода отступит и обнажит камни?! - выкрикнул

Орвицка и бесстрашно бросился навстречу приближающимся громилам, нанеся сокрушительный прямой удар кулаком. - Даже скоты так не обращаются со своими детьми! Как вы ещё можете здесь кричать о милосердии и доброте?!

Здоровяк сплюнул кровь, его лицо исказилось от боли, и он мешком рухнул навзничь.

Орвицка сдерживал свою силу, ведь нельзя же было на глазах у всех размозжить голову в кровавое месиво, хотя ему отчаянно этого хотелось.

Эти осведомлённые люди, все до единого, были хуже зверей - это было бы оскорблением для зверей.

- Вы действительно верите в бога?! Вы действительно верите, что бог награждает добрых и наказывает злых?!

Здоровяки, скорее всего, из банды Молота, увидев, как Орвицка расправляется с их товарищами, словно с детьми, одним ударом кулака укладывая их на землю без чувств, дружно остановились, не решаясь подойти ближе.

Орвицка окинул их презрительным взглядом, поправил белые перчатки на руках, повернулся и пошёл обратно к входу в церковь. Далиан тут же встал у него за спиной, готовый защитить от возможного выстрела в спину. Увидев возвращение Орвицки, священник непроизвольно отступил на два шага, его лицо побледнело.

- Скажи мне, - голос Орвицки звучал ровно, но в нём слышалась сталь, - ты действительно веришь в бога и твёрдо убеждён, что бог накажет злых и вознаградит трудолюбивых и добрых?

- Конечно, верю! - под пристальным взглядом стольких глаз священник ответил весьма решительно, хотя голос его слегка дрогнул.

- Тогда, если я убью тебя здесь, будет ли это божьей волей? - Орвицка медленно, шаг за шагом, приближался к нему, - он посчитал, что твоя вера в Него слишком возвышенна, и захотел, чтобы ты составил Ему компанию?

Некоторые обезумевшие верующие хотели было ринуться на помощь священнику, но их остановили другие. Разве они не видели, как этот полицейский с детским лицом одним ударом укладывал здоровяков? К тому же... вопрос полицейского, если вдуматься, действительно вызывал у них жгучее любопытство.

- Ты... как ты смеешь прикрываться божьей волей и нести чушь?! - взвизгнул священник.

- Разве в Священном Писании не сказано, что всё в мире - божья воля, будь то ветер, дождь, гром или молния, травы, деревья, птицы или звери, жизнь, болезнь или смерть - всё это божья воля? - Орвицка внезапно протянул руку, схватил священника за воротник, сжал в кулаке значок подсолнуха и с силой сорвал его.

- Моя рука невредима, - он поднял золотой подсолнух, демонстрируя его всем. - Это значит, что бог одобряет мои слова, поэтому не обжёт меня своим сиянием, верно? Ты же не скажешь, что сила дьявола может игнорировать даже божественное могущество?

Подобный вопрос, будь он задан на Голубой планете, даже там, за океаном, где сильна вера, был бы назван верующими вздором, попыткой поставить бога в неловкое положение. Но для жителей Нортонской империи того времени это было очень действенно. Они твёрдо верили, что дьявол не может коснуться священных предметов, а тот, кто может, - не дьявол.

Правда, обычно при таком способе проверки на дьявола священный предмет "очищали" огнём - обжётся, значит, конечно, ты дьявол; не обжётся... ты игнорируешь температуру пламени?! Значит, обладаешь дьявольской силой!

Священник изо всех сил пытался подобрать слова, но Орвицка уже схватил его за руку и потащил к алтарю.

Орвицка опустил руку со значком подсолнуха в святую воду - разумеется, она осталась невредимой.

- Святой отец, а теперь проверим, не дьявол ли вы.

- Что ты собираешься... - он не успел закончить вопрос, как его голову уже с силой окунули в небольшой сосуд со святой водой.

- Как вы думаете, бог позволит ему жить или умереть? - Орвицка обвёл взглядом верующих. Одной рукой он прижимал голову священника, и как бы тот ни извивался и ни сопротивлялся, его рука оставалась неподвижной, словно выкованная из стали.

- Как можно говорить, что это бог решает, жить ему или умереть? Это... ты? - возразил кто-то, но, произнеся это, они и сами поняли, что что-то не так.

Разве бог не всезнающ и всемогущ? Тогда что происходит сейчас? Позволить чужаку убивать Его священника - неужели это испытание их веры? Но... не слишком ли это невыносимо?

Орвицка отпустил руку. В тот момент, когда священник наконец смог вздохнуть, он чуть не рухнул на землю, но Орвицка снова схватил его за одежду на шее и потащил наружу. Голова священника была затуманена, руки и ноги не слушались. Согнувшись, он сделал два шатких шага и упал на землю. Тогда Орвицка поволок его наружу, как дохлую свинью. Тот мог лишь беспомощно цепляться за руку Орвицки, выплёвывая воду и издавая хриплые стоны.

Орвицка снова стоял перед своей каретой. Его рука стальной хваткой вцепилась в голову священника:

- Скажи им, куда делись их дети? Живут ли они прекрасной жизнью или вы их продали повсюду?

- Я... кх-кх... я...

- Ты хочешь встретиться со своим богом сейчас? Или скажешь правду, а через пару дней товарищи отправят тебя к богу? - Орвицка начал медленно поворачивать его голову, не быстро, чтобы сломать шею, а мучительно медленно, постепенно запрокидывая её назад...

- Отправ... отправ... - Шея была повернута под таким углом, что священник даже не мог издать достаточно громкого звука, лишь хрипел.

Орвицка действительно хотел свернуть ему шею, но сдержался и разжал пальцы.

- Их отправили! Отправили! - задыхаясь, прохрипел священник. - Я... я имею в виду, продали, отправили таким образом. Я не знаю, кому именно продали, я этим не занимался, правда!

Он схватился за шею, позвонки пульсировали тупой болью.

- Святой отец, вас заставили?

- К-как... как такое возможно? Как возможно...

- Что вы сделали с моим ребёнком-!!!

- Нет! Невозможно! Это невозможно!

- У вас есть мой ребёнок? Старшего зовут Бойюэ, ему должно быть четырнадцать, девочку - Анни, и ещё двойняшки...

- И мои дети, Джо, Кербай, Нана!

Люди в панике протягивали руки к Орвицке, словно он был мессией, словно одно прикосновение к нему могло открыть им местонахождение их детей. Орвицка снова схватил священника:

- Он не знает, но кто-то точно знает, веди нас!

- Я не знаю! Правда не знаю! - вопил тот.

- Кто знает?

Бах! Бах-бах! - За пределами церкви загремели выстрелы! Сначала один, потом они стали звучать всё чаще и чаще, сливаясь в оглушительную канонаду.

Люди в ужасе закричали и бросились прятаться за деревянными спинками церковных скамей, их движения были на удивление отработанными.

- Кар! - В нескольких сотнях метров от восточных ворот "автономного района Церкви Славы", в тёмном переулке стояло несколько карет. Прохожие, заметив их, старались держаться подальше, ведь это был Чёрный район. Огромный ворон внезапно с грохотом спикировал на крышу одной из карет. Кучер, дремавший рядом, тут же вскочил на козлы.

- Но! - Карета вылетела из переуллка, стремительно набирая скорость. Возница, с лёгкостью управляя несущейся на полной скорости повозкой, на ходу скинул верхнее чёрное пальто и серую кепку, под которыми оказалась их яркая красная форма.

В то же время Максим и священник Сино из района Рыбьего Хвоста только что покинули особняк епископа Криспина.

- Какая вам от этого выгода? - священник Сино не смог сдержать вопроса. В гостинной епископа Криспина они только что заключили соглашение с Родом Крови. Церковь Света направит священников, которые совместно с полицией примут приходы Церкви Славы и большую часть её имущества.

Конечно, церковь согласилась выделить не менее тридцати процентов денежных средств прихожанам, а также вернуть им движимое имущество, поддающееся учёту. Однако этот процесс будет проходить под руководством церкви, полиция сможет лишь наблюдать со стороны. Для Церкви Света это было выгодно. Они не были глупой и недалёковидной маленькой церковью, их интересовали не только деньги. Возвращение имущества, присвоенного старой церковью, было отличным способом быстро завоевать доверие жителей новых приходов.

Изначально епископ Криспин хотел отдать двадцать процентов выручки полиции, но представитель полицейских, стоявший перед ним, отказался, попросив епископа Криспина перевести эти деньги в материальные ценности и использовать их зимой для помощи бедным.

Не нужно было упоминать Королевскую полицию или какое-либо конкретное лицо, можно было сказать, что это помощь от самой церкви.

Никакой реальной выгоды. Это дело не принесёт полицейским доброй славы, а может даже навлечь на них неприятности - Церковь Славы смогла просуществовать в Содмане до сих пор, значит, за ней стояли покровители. Возможно, епископ Криспин даже знал этого покровителя, но тот ещё не достиг уровня, чтобы епископ стал его защищать. Епископ просто игнорировал его. Теперь, когда кто-то решил разобраться с этим типом, епископ был рад получить выгоду.

Так зачем же полицейским, или, вернее, Роду Крови, это делать?

- ... - На самом деле, Максим тоже не одобрял, что их Наследный принц Рода Крови занимается такими бесполезными делами, но остановить его было невозможно, поэтому оставалось только максимально содействовать и дорабатывать его план. - Я тоже считаю это глупостью, но что поделаешь, раз офицер Мондейл так решил?

Максим развёл руками.

- Пылкий и честный юноша, - усмехнулся священник Сино. Он видел Орвицку и тогда не разглядел в этом юноше такой наивности. - Ведомый светом, он совершил великое дело, и свет непременно защитит его.

Максим смиренно поклонился:

- Для меня большая честь, премного благодарен.

Но сев в свою карету, Максим тут же усмехнулся про себя: "Церковь, которая говорит "убийство еретика - не убийство", находится под защитой их света. Какая отвратительная вещь".

Ворота автономного района Церкви Славы захлопнулись. На воротах стояли вооружённые громилы. Кто-то размахивал чёрным флагом:

- Стойте! Проезд запрещён! Это церковная территория!

- Кар! Кар-кар! - Стаи ворон, словно чёрная буря, обрушились на узкие деревянные ворота. Громилы не успели прицелиться, как вороны уже исклевали им головы до крови. К тому же, они стояли слишком близко друг к другу и не могли использовать свои длинные ружья, чтобы отбиться от птиц и защитить себя.

Полицейские-оборотни ловко взобрались на стену, оглушили громил-охранников и впустили карету...

- Вы обладаете могущественной силой, церковь приветствует ваше вступление. Я знаю, всё произошедшее было лишь недоразумением, мы абсолютно не будем преследовать за то, что случилось сегодня, - священник, слушая выстрелы снаружи, изо всех сил старался подавить торжество на лице. - Слышите, выстрелы прекратились. Разве вы не хотите пойти посмотреть, что случилось с вашими товарищами и с четой Боман, которая села в вашу карету?

Верующие, услышавшие голос священника, тоже выглядывали из-за спинок скамей, их взгляды на Орвицку были полны противоречивых эмоций. Если Орвицка присоединится к церкви, бой, конечно, прекратится. Но что тогда... с их детьми? А с ними самими? Всю жизнь работать на церковных предприятиях, ежемесячно отдавать не менее пятидесяти айко, а ради детей - и того больше. У них не было никаких сбережений.

- Орвицка, всё кончено, - Далиан вошёл с улицы. Его одежда была безупречно опрятной, на красной форме не было ни пятнышка крови или пыли.

Орвицка посмотрел на Далиана и улыбнулся ему - изначально он действительно хотел прийти только втроём, но он не мог смириться, потому что, как бы ни думал, он не мог найти способа сокрушить Церковь Славы. Это не имело отношения к нему лично, это была... проблема системы.

Будучи уроженцем Поднебесной, Орвицка раньше ненавидел эту "проблему системы", но сейчас всё было именно так. Система Нортонской империи и негласные правила верхушки, словно две прочные сети, надёжно защищали Церковь Славы.

- Ты хочешь уничтожить Церковь Славы? - спросил Далиан, его голос был ровным, но глаза горели решимостью.

- Хочу, - без малейших колебаний ответил Орвицка.

- Тогда уничтожь её.

- ...Как уничтожить?

- Мы поможем тебе уничтожить.

Сердце Орвицки ёкнуло. Он понял, что это "уничтожить" означало буквально - разрушить грубой силой.

- Вы пострадаете.

- Нет, поверь мне, мы не пострадем ни в малейшей степени, - заверил Далиан. - Ты - Наследный принц Рода Крови, и, кроме того, если мы разделим достаточную выгоду, у нас может быть много союзников.

Сердце Орвицки забилося ещё быстрее, почти выпрыгивая из груди:

- ...Хорошо!

Поэтому их карета по пути заезжала обратно.

<http://bllate.org/book/17916/1715874>